

Д.Я.Балалаева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: БЛОКИРОВАНИЕ ИЛИ ПРОДВИЖЕНИЕ ИННОВАЦИЙ?

Ключевые слова: инновационная система России, «ресурсное проклятие», институты, элита, наука, ученые

В последнее время среди специалистов в области социальных наук, в том числе политических, растет число тех, кто работает в рамках междисциплинарного подхода. Это означает, что политологи, социологи, экономисты и т.д. пришли к пониманию того, что изучаемые ими проблемы настолько тесно взаимосвязаны друг с другом, что не поддаются решению без привлечения смежных областей знания. Не вызывает сомнений, что междисциплинарный обмен знаниями чрезвычайно плодотворен в методологическом плане и открывает возможности для экспериментов, способных повысить точность получаемых результатов.

Одной из наиболее динамично развивающихся междисциплинарных отраслей как на Западе, так и в России является политэкономика, которая уже несколько веков занимается поиском ответа на вопрос: какая политическая система (оставив в стороне утопии и идеальные модели) оптимальна для достижения высоких экономических показателей? Почему некоторые страны более успешны экономически, чем другие? Почему одинаковые политические институты по-разному сказываются на экономике, стимулируя ее рост в одних странах и отбрасывая другие на периферию экономического развития? Не умаляя значения уже сделанного в этой сфере, приходится констатировать, что консенсусных ответов на приведенные вопросы пока не найдено.

То же самое относится и к более узкому вопросу о способности разных стран производить технологические инновации, имеющему, на мой взгляд, ключевое значение для понимания как политических, так и экономических показателей страны. Как и любого компаративиста, меня прежде всего интересует, почему одним странам удается грамотно выстраивать национальную инновационную систему и производить оптимальное (то есть соразмерное возможностям) количество инноваций, а другим — нет. Будучи убеждена, что ни одна комплексная теория не должна игнорировать географические, демографические, исторические, культурные и иные факторы, я вместе с тем остаюсь приверженцем институционального объяснения инноваций. Я полагаю, что именно теории институционального дизайна и рационального выбора в сочетании с формальными методами способны дать ключ к уяснению

различий в национальных инновационных системах. В связи с этим в предлагаемой мной модели технологические инновации будут рассматриваться как функция от проводимого государством политического курса, который, в свою очередь, зависит от институционального дизайна.

Инновации и статус ученого в России

Прежде чем приступить к собственно институциональному анализу, вкратце обрисую ситуацию с инновациями и наукой в современной России.

Начиная с середины 1980-х годов все большую популярность приобретает теоретический подход, в центре которого находится анализ национальных инновационных систем¹. Ввиду сложности и непредсказуемости процесса производства инноваций (о чем речь пойдет ниже) четкие границы национальной инновационной системы очертить крайне трудно. В соответствии с утвердившейся на сегодняшний день точкой зрения к ней относят, с одной стороны, сами продукты инновационного процесса (производимые инновации), а с другой — институты, определяющие параметры взаимодействия между заинтересованными акторами, то есть наукой (университетами), бизнесом и государством. Согласно Виктору Сергееву, цепочка производства инновации выглядит следующим образом: научная лаборатория (университет) — некоммерческая структура, осуществляющая трансфер знаний, — венчурное предприятие, финансирующее инновационный проект, — небольшая фирма, получающая первую прибыль, — крупная компания, запускающая продукт в массовое производство². Инновационные системы различаются по своей специализации (то есть по тому, что они производят), по объему накопленных знаний (патенты и публикации) и по способам функционирования (механизмы и институты)³. Поскольку природа инновационного процесса сама по себе противоречива (как, например, обеспечить высокий уровень фундаментальных инноваций и эффективную связку академического и рыночного секторов, чтобы инновации отвечали спросу?), очевидно, что отдельные национальные инновационные системы могут преуспевать в одном виде деятельности, но отставать в другом. В связи с этим национальная инновационная система требует многокритериальной оценки, и ее успех во многом зависит от оптимального сочетания тех или иных факторов.

Говоря о сильных сторонах национальной инновационной системы РФ (унаследованных от советской эпохи), большинство экспертов отмечают человеческий капитал, высокое качество образования, относительно мощный научно-технический сектор и креативную способность граждан. Вместе с тем они указывают на архаичные и потому неэффективные методы управления, чрезмерную бюрократизацию, слаборазвитые механизмы перевода знаний в инновации (то есть обеспечения связи между наукой и рынком) и доминирование государства в сфере финансирования науки. Замечу, что в последнем случае про-

¹ См., напр. Freeman 1982; Lundvall 1985; Freeman, Lundvall 1988.

² Сергеев (ред.) 2009.

³ Lundvall 2009.

блема заключается не в самом по себе государственном финансировании, а в заведомо недостаточных вложениях в производство знаний.

К сожалению, вместо того чтобы постараться заполнить существующие пробелы, российская инновационная система скорее растрчивает имеющиеся у нее плюсы. Свидетельством тому, помимо экспертных оценок, служат статистические показатели. По данным ОБСЕ, в 2006 г. Россия истратила на НИОКР чуть больше 20 млрд. долларов, тогда как США — 343,7 млрд., а Япония — 138,8 млрд. Если в среднем по ОБСЕ затраты на НИОКР составляют 2,26% ВВП, то в России — 1%. В 2005 г. в России было оформлено лишь 63 патента (против 15774 в США). Доля российских публикаций в мировой науке более чем в 14 раз ниже доли американских (1,8 и 25,8% соответственно)⁴.

⁴ <http://mon.gov.ru/files/materials/6333/09.11.02-bd-eng.pdf>.

В 2009 г. в рамках проекта «Исследование российской научно-технологической диаспоры в развитых странах: условия и возможности возвращения научных кадров и использование потенциала» группа отечественных ученых провела опрос иностранных специалистов, пытаясь выяснить, каковы, на их взгляд, проблемы современной российской науки. Интервьюеры были удивлены, насколько четко иностранцам удалось подметить основные проблемы российской науки: «Получение средств по проекту с зарубежным партнером зачастую становится самоцелью для российской стороны»; «налицо «общее размывание ценностей в российской науке, связанное с циничным „распилком“ под видом „науки и инноваций“ приближенными к власти персонами. Размывается и во многих случаях исчезает нормальная научная среда»; «Происходит деградация научного уровня, научного престижа, научных амбиций»; «Исключительно важно ликвидировать абсурдную бюрократию (вроде распределения научных грантов согласно закону о госзакупках)»; «Условился административный механизм для покупки оборудования»; «Слишком много бюрократии с элементами взяточничества»; «За редкими исключениями российская наука самоизолирована и коррумпирована»⁵.

⁵ *Исследование 2009: 9.*

Зафиксировав слабые стороны российской инновационной системы, следует указать и на имеющийся у нее потенциал для развития. По количеству исследователей РФ уступает только США, Японии и Китаю (хотя в последние годы этот показатель в ней уменьшается, тогда как в большинстве стран ОБСЕ, напротив, увеличивается). Количество кандидатов и докторов в России, особенно в области точных наук, сравнимо с показателями лидирующих стран⁶. Складывается впечатление, что человеческий капитал — главное, что удалось накопить России. И это стратегически важное преимущество, ведь ученые — те люди, у которых производство инноваций совпадает с их собственным, внутренним интересом. Если ученый сделал важное открытие, частью его вознаграждения будут репутация и слава, которые навсегда останутся при нем. В этом плане инновационная деятельность должна быть для ученого даже более привлекательной, чем для фирм. Однако ученому,

⁶ <http://mon.gov.ru/files/materials/6333/09.11.02-bd-eng.pdf>.

как и любому другому рациональному актору, необходимы стимулы: престиж, финансирование и т.д. Удастся ли России их создать?

Однозначного ответа на этот вопрос нет, но тенденции скорее отрицательные. Об этом свидетельствует хотя бы уровень оплаты отечественных ученых (что, на мой взгляд, является прямым показателем их статуса в обществе) (см. табл. 1).

Таблица 1 Средняя заработная плата научных работников (евро/месяц)

Страны	Аспирант	Постдок	Младший доцент	Старший доцент	Профессор
Бельгия (2007)	—	—	4318	5138	6625
Канада (2007)	—	—	4856	6096	7145
Дания (2007)	3152	4560	—	5499	6974
Финляндия (2007)	2290	3220	—	3420	5218
Франция (2007)	—	2500	—	3000	4500
Германия (2007)	—	—	3277	3744	4546
Ирландия (2004)	—	—	5250	6400/7700	9750
Израиль (2007)	—	—	2650	3029/3597	4743
Италия (2004)	—	1500	2500	4000	5500
Нидерланды (2004)	—	—	3974	5541	6544
Норвегия (2005)	3203	3950	—	4330	5297
Польша (2006/2007)	—	—	586	1127	1758
Россия (2007)	250	—	—	600	900/1100
Испания (2003)	—	1584	2250	2750	3584
Швеция (2006)	2365	3317	3142	3800	3145
Великобритания (2007)	—	2813	4766	5842	6353
Украина (2006)	50	100	200	400	1000
США (2006)	—	3708	4820	5785	8529

Источник: Remuneration of Researchers in the Public and Private Commercial Sectors. 2007 (http://ec.europa.eu/eracareers/pdf/final_report.pdf).

Сравнив приведенные в таблице данные, несложно объяснить такую проблему российской академической и университетской науки, как резкое уменьшение числа сотрудников с учеными степенями за счет «утечки мозгов» за границу или в бизнес, а также изменение демографической структуры когорты кандидатов и докторов наук (недостаточный приток молодых).

Суммируя вышесказанное, приходится констатировать, что российская инновационная система находится в плачевном состоянии, отставая от развитых стран по важнейшим показателям, а наука посте-

ленно теряет свою былую силу. Но прежде чем анализировать причины такого положения вещей и делать прогнозы на будущее, необходимо разобратся в природе инноваций как таковых.

Знание и инновации

Если единицей анализа выступает фирма, технологические инновации принято считать производными от совокупности ее характеристик (капитал, труд, расходы на НИОКР и т.д.), если же за единицу анализа берется государство, то независимыми переменными будут уже макроэкономические и социально-политические характеристики системы (национальные расходы на НИОКР, уровень образованности граждан, ВВП на душу населения, количество инженеров и т.д.). Легко заметить, что расходы на науку как наиболее прямой количественный индикатор усилий, приложенных в этой сфере, занимают центральное место в объяснении успешности инновационной деятельности как на уровне фирм, так и на уровне государств⁷. Однако особая природа инновационного процесса создает определенные противоречия и преграды, затрудняющие оптимальное финансирование инноваций.

⁷ *Arrow 1963;
Romer 1990;
Grossman, Helpman
1991.*

Во-первых, необходимо учитывать, что повышенные риски и долгосрочность отдачи от инновационной деятельности снижают ее привлекательность для частного сектора, цель которого — немедленная прибыль. И здесь действуют несколько факторов.

Прежде всего не следует забывать об особенностях процесса производства знания, которое предшествует любой инновации. Знание представляет собой весьма специфический вид блага, в чем-то близкий к благу общественному, отличительными чертами которого являются всеобщность (невозможность исключения кого-либо из круга потребителей), неконкурентность (потребление блага одним субъектом не уменьшает его ценности для других) и неделимость (его нельзя разложить на отдельные единицы).

Да, инновации как конечный продукт — это уже не общественное благо, и права инноватора обычно защищены законом. Однако это не уменьшает количества встающих перед ним проблем. Ведь когда изобретение превращается в инновацию в полном смысле слова, то есть выходит на рынок и становится доступным для остальных, инноватор оказывается в положении, чреватом проигрышем в дальнейшей конкурентной борьбе, поскольку он уже истратил известное количество ресурсов на производство данной инновации (прямые издержки), а значит, не истратил их ни на что другое (латентные издержки), в то время как его конкуренты таких издержек не понесли. Возникает так называемый «эффект безбилетника»: зачем платить, если этого можно избежать?⁸ Кто захочет вкладываться в долгосрочные инновационные проекты, вероятность успеха которых зачастую не очень велика, если можно сымитировать уже существующие новшества, все затраты и риски по которым взял на себя конкурент? Как отмечает Леонид Гохберг, 70% инноваций в современной России — это не более чем улучшения имею-

⁸ *Olson 1965.*

щихся изобретений, требующие несравнимо меньших затрат, нежели инновации с нуля⁹.

⁹ Гохберг 2003.

Особенно сложная ситуация складывается в сфере фундаментальных исследований. Коммерческим компаниям невыгодно вкладываться в проекты, успех которых сомнителен. Их главная цель — получение чистой прибыли, а та, в свою очередь, зависит от спроса на созданный продукт. Понятно, что компании будут стараться максимально соответствовать запросам потребителей. Но то, что может захотеть среднестатистический член общества массового потребления, едва ли способно вызвать к жизни фундаментальную инновацию. Более того, ввиду увеличения асимметрии информации, обусловленного усложнением технической стороны товаров, и «перепроизводства спроса на спрос» с помощью рекламы рынок окажется заполнен мнимыми, ненужными инновациями¹⁰, или «инновационными лимонами» (в терминологии Джорджа Акерлофа)¹¹.

¹⁰ Коктыш 2009.

¹¹ Akerlof 1970.

Одно из возможных решений данной проблемы — широкое участие государства в финансировании науки. Речь может идти как о прямых инвестициях в науку (ведение научных проектов, оплата труда ученых, научно-исследовательские гранты, образовательные стипендии и т.д.), так и о косвенных методах стимулирования расходов на НИОКР (например, предоставление компаниям, готовым вкладываться в проведение научных исследований, налоговых льгот).

В связи с этим тот факт, что в России государство берет на себя львиную долю финансирования науки, мог бы стать не недостатком, а преимуществом отечественной инновационной системы. К сожалению, выделяемых нашим государством средств не хватает ни для проведения достаточного количества передовых исследований, ни для стимулирования ученых.

Но даже если государство достаточно успешно справляется со своими функциями по финансированию приоритетных инновационных проектов и стимулированию бизнеса к участию в них, это не решает главной проблемы, с которой сталкиваются инноваторы в широком смысле этого слова. Исторический опыт показывает, что любая серьезная инновация, будь то технологическая или социальная, ведет к перераспределению властных ресурсов, а потому в каждом обществе неизбежно найдутся враги инноваций. Как справедливо отмечает Сергеев, «любая инновация, будучи адаптированной обществом, приводит к изменению баланса политической власти... Производство новых товаров массового потребления создает новое богатство, и совершенно не обязательно, что оно будет находиться в руках тех же людей и организаций, которые обладали наибольшими ресурсами до внедрения соответствующей инновации, а перераспределение богатства — это и перераспределение власти»¹². Очевидно, что тот, кто продвигает инновации сегодня, скорее всего, постарается заблокировать их «завтра»; поэтому системе — политической в целом и инновационной в частности — необходимы механизмы легитимации замены старого новым.

¹² Сергеев 2008: 117.

¹³ Polanyi 1944;
Solow 1957.

Инноваторы идут на риск в том числе и потому, что в случае успешности проекта они могут претендовать на монопольное получение ренты с инновационного товара. Поскольку же от инноваций выигрывает общество в целом¹³, гарантией такого рода рент выступает (или, по крайней мере, должно выступать) государство, защищая права интеллектуальной собственности. Но здесь напрашиваются как минимум два вопроса. Всем ли странам (точнее, властям предрешающим) выгодно защищать данные права? А если не выгодно, то будут ли они создавать условия для появления инноваций? Найти ответы на эти вопросы, с моей точки зрения, позволяет теория институционального дизайна.

Институциональный дизайн, имеющий, казалось бы, лишь косвенное отношение к национальным инновационным системам, на самом деле дает ключ к объяснению различий в функционировании этих систем в разных странах. Так, всем известно, что в современной России национальная инновационная система еще окончательно не сформировалась. К числу факторов, обусловивших такое положение вещей, обычно относят дефицит демократии, правовой вакуум, нигилизм, специфику российской политической культуры, наследие коммунистического прошлого, так называемую «голландскую болезнь», сращивание политической и экономической элиты и т.д. Несомненно, что все эти факторы присутствуют. Однако ведь странам с развитыми национальными инновационными системами в свое время тоже пришлось столкнуться с немалым числом преград, и им удалось — кому-то лучше, кому-то хуже — с ними справиться. Несмотря на российский *Sonderweg*, я считаю, что опыт этих стран может быть полезен и для России. В любом случае не вызывает сомнений, что прежде чем предлагать решение проблемы, необходимо правильно обозначить саму проблему.

На мой взгляд, главная проблема российской инновационной системы заключается в отсутствии у элиты как традиций построения такой системы, так и желания ее строить. Именно поэтому создаются институты, которые а priori блокируют инновации. В цитируемой выше статье Сергеева ситуация описана так: в советские времена «успешное внедрение осуществлялось только через централизованную деятельность политической власти и, как правило, было направлено на укрепление политической власти этой власти (атомный проект, космический проект, развитие социалистической индустрии и т.п.)... Тот же принцип действует и в посткоммунистической России вследствие формирования практики „распилов“ и „откатов“, обеспечивающей уже не увеличение власти центральной власти, а наращивание ресурсов корумпированной бюрократии, реализующей инновации»¹⁴. Но что же определяет предпочтения элиты?

¹⁴ Сергеев 2008:
118.

Парадокс изобилия

Согласно географическому подходу к объяснению экономических успехов различных стран, определяющую роль в их достижении играют такие факторы, как климат, природные ресурсы, транзакционные из-

¹⁵ *Machiavelli 1519; Toynbee 1931—1964; Sachs, Warner 2001.*

держки и т.д.¹⁵ По мнению некоторых из сторонников этого подхода, влияние географических факторов на экономику государства носит вневременной характер, что было опровергнуто (во всяком случае, применительно к исторически длительным отрезкам времени) американскими институционалистами Дароном Акемоглу, Симоном Джонсоном и Джеймсом Робинсоном, которые после обработки большого массива данных пришли к выводу, что страны, которые были бедными 1500 лет назад, сегодня процветают — и наоборот¹⁶. Неудовлетворительной (хотя и более обоснованной) сочли они и позицию тех приверженцев географического подхода, которые признают наличие временной зависимости¹⁷, поскольку их заключения не подкреплены эмпирическими доказательствами¹⁸.

¹⁶ *Acemoglu, Johnson, Robinson 2002.*

¹⁷ *См., напр. Rodrik, Subramanian, Trebbi 2004.*

¹⁸ *Acemoglu, Johnson, Robinson 2002.*

Как бы то ни было, несложно заметить, что географический подход весьма уязвим в свете реальных фактов или, по крайней мере, не может предложить универсального объяснения. Принято считать, что необходимость — мать изобретений и потому страны, испытывающие дефицит природных ресурсов, более ориентированы на инновации, чем богатые в ресурсном отношении. Опыт Японии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня, Гонконга, с одной стороны, и России и стран ОПЕК, с другой, подтверждают данную закономерность. Вместе с тем известно немало ресурсообеспеченных стран, которые при всем том обладают развитой экономикой и лидируют в сфере технических инноваций (США, Канада, Норвегия, Голландия). Почему же одним странам удается избежать «ресурсного проклятия», тогда как другие попадают в его ловушку?

¹⁹ *Plott 1991.*

В соответствии со знаменитым уравнением Чарльза Плотта, результат = предпочтения × институты¹⁹. Что касается предпочтений элит ресурсообеспеченных стран, то они должны быть примерно одинаковыми: в государствах такого типа политическим и экономическим элитам проще, дешевле и безопаснее монополизировать ренты от экспорта, чем поддерживать инновации. Между тем результаты (в плане инновационной активности) зачастую оказываются различными, а иногда — и противоположными. Простая логика подсказывает, что причина, скорее всего, кроется в разных институтах, одна из важнейших функций которых — влияние на стратегию игроков.

Формирование институтов и их влияние на инновации

²⁰ *North 1990.*

Дуглас Норт утверждает, что именно специфика формальных (писаное право) и неформальных (религия, культура и т.п.) институтов объясняет, почему одни страны проводят политику, обеспечивающую технологический прогресс и экономическое благосостояние, тогда как другие не могут выбраться из стагнации²⁰. Другим словами, именно институты диктуют, какая экономическая деятельность окажется наиболее прибыльной в данном обществе, насколько выгодными будут инновации или их блокирование. Однако кто определяет, какие будут сами институты?

Согласно теории институционального дизайна, любая экономическая и политическая система генерирует победителей и проигравших. Ясно, что победители всегда будут склонны поддерживать status quo и стараться избежать рисков, тогда как проигравшие будут готовы идти на риск, так как терять им все равно нечего.

Как известно, социальные и политические институты общества чаще всего не бывают нейтральными, отражая предпочтения элит. И поскольку последние состоят именно из победителей, в случае если инновации несут с собой большие риски, нежели отказ от инновационной деятельности, у элит может не оказаться стимулов к производству институтов и внедрению институциональных правил, которые бы облегчали инновационный процесс (эффективная защита частной собственности, авторских прав и т.д.). Более того, элиты способны построить институциональную систему, которая будет блокировать инновации (защита монопольных рент, превалирование неформальных правил, теневая экономика, коррупция и т.д.). Но от чего же зависит в первую очередь выбор элит?

Как отмечают Эвнер Грайф, Пол Милгром и Барри Вайнгаст, в случае государства, призванного защищать права собственности и обеспечивать общественные блага, возникает известный парадокс Мэдисона: как может институт, обладающий достаточными ресурсами для выполнения этих функций, ограничить собственную власть?²¹ Иначе говоря, что может удержать государство от конфискации частной собственности и т.д.? И где гарантии, что оно не нарушит завтра обещания, данные сегодня? Обычно гарантами соблюдения государством своих обязательств выступают политические институты — конституция страны, ее законы, разделение властей и т.п. Однако, как показывает практика, некоторые институты справляются с этой задачей гораздо эффективнее, чем другие.

В своей знаменитой статье, посвященной влиянию институтов на последующее развитие бывших колоний²², Акемоглу, Джонсон и Робинсон описали два типа институтов: «хорошие» — те, что защищают право собственности, и «извлекающие», при которых частная собственность подвергается постоянному риску экспроприации. Выбор в пользу тех или иных институтов, согласно авторам, был обусловлен «богатством» (прежде всего имеются в виду природные ресурсы и рабочая сила) и «удобством» (пригодностью для проживания) колонизируемых территорий. Механизм следующий: там, где новым хозяевам было выгодно добывать ресурсы, выстраивались институты, обеспечивавшие ренты; там же, где не было условий для извлечения рент, создавались институты, защищающие права собственности. Понятно, что если нет стабильных монопольных рент, то даже победители предпочтут верховенство закона, так как никто не может гарантировать, что сложившийся баланс победителей и проигравших сохранится надолго и они не поменяются местами при каком-то экзогенном шоке (война, природные катаклизмы и т.д.).

²¹ См. Greif, Milgrom, Weingast 1994.

²² Acemoglu, Johnson, Robinson 2001.

По оценке Акемоглу, Джонсона и Робинсона, «хорошие» институты были созданы в США, Канаде, Новой Зеландии, Австралии, Гонконге, Сингапуре, тогда как в испанских и португальских колониях в Латинской Америке, богатой золотом, серебром и т.д., укоренились «извлекающие» институты. Приведенные примеры еще раз подтверждают, что выбор в пользу тех или иных институтов диктуется рациональным выбором привилегированных групп, которые просчитывают, какой деятельностью на какой территории выгоднее всего заниматься. Важно отметить, что свои теоретические аргументы авторы подкрепляют эмпирическими данными и статистическими тестами, используя в качестве главных независимых переменных индикаторы риска экспроприации и степени защиты прав собственности, а также уровень концентрации власти в руках элиты (индекс Polity IV)²³.

²³ *Ibidem.*

В работе Акемоглу, Джонсона и Робинсона, по сути, дается ответ на один из важнейших вопросов теории институционального дизайна: институты представляют собой механизмы по трансляции предпочтений акторов в политические результаты, но выбор институтов отражает предпочтения элиты. Обоснованность данного заключения подтверждают реальные исторические процессы. Вместе с тем речь отнюдь не идет о воспроизводстве теоретического подхода, исходящего из «зависимости от предшествующей траектории развития». Так, например, ни Сингапур, ни Гонконг не являются сегодня демократиями, хотя в свое время на этих территориях был сделан выбор в пользу «хороших» институтов, создавший в других колониях предпосылки для будущего демократического развития.

Несмотря на заманчивость объяснения политического дизайна через его экономические истоки, Акемоглу, Джонсон и Робинсон ничего не говорят о странах, которые не были колониями. Почему, например, Норвегия и Нидерланды, в отличие от России и многих других стран, чья экономика основана на экспорте ресурсов, успешно справились с «голландской болезнью»? Что помешало их элитам экспроприировать монопольные ренты и почему они предпочли создать самоограничивающиеся институты? Скорее всего, дело в возрасте демократии, базирующейся на конкуренции элит, и культуре ответственности государства перед обществом. Так что, хотя эти страны в какой-то момент и попали в «ресурсную ловушку», развитое гражданское общество и демократические институты не позволили этой ситуации затянуться.

Весьма интересной представляется и трактовка институционального выбора, предложенная американским ученым Карлесом Боиксом, который объясняет его воздействием двух факторов — экономического неравенства и специфики активов²⁴. Согласно его гипотезе, демократия наступает тогда, когда элите выгоднее и дешевле перераспределять ресурсы, нежели поддерживать репрессивные институты. Поскольку вследствие присущей ей инклюзивности демократия склонна к высоким налогам и перераспределению, успешный переход к ней может быть осуществлен при относительно низком уровне экономического

²⁴ *Boix 2003.*

неравенства (что уменьшает масштабы перераспределения) и доминировании мобильных факторов производства. Если же экономическое неравенство высокое, а ключевую роль играют имmobileные факторы производства, например нефть, то элита отдает предпочтение институтам, обеспечивающим получение монопольных рент. Иными словами, чем богаче страна с точки зрения природных ресурсов, тем выше вероятность того, что в ней возобладают авторитарные практики.

Институциональный выбор и институциональные изменения

Итак, логика институционального выбора может быть кратко резюмирована следующим образом. Большинство теорий институционального дизайна рассматривают институты как способ разрешения некоего исходного конфликта в обществе. Экономисты обычно связывают данный конфликт с факторами производства, в то время как социологи видят в нем продукт культурных, этнических и лингвистических различий. Но независимо от причины конфликта среди его участников будут группы, в силу изначально существующего распределения оказавшиеся в привилегированном положении. Эти группы смогут играть определяющую роль в институциональном строительстве, что позволит им создать институты, которые начнут перераспределять ресурсы в их пользу.

По заключению Мансура Олсона, одна из основных проблем, с которой сталкиваются политические игроки, — это проблема коллективного действия²⁵. Несколько упрощая, суть ее можно свести к тому, что всякий человек заинтересован в максимизации собственной полезности, которая определяется соотношением между результатом и затраченными усилиями. Если результат наилучший, а издержки минимальны, полезность возрастает. Это и вызывает к жизни «эффект безбилетника»: при создании любой организации каждому хочется получить привилегии членства при наименьших затратах. Вместе с тем, поскольку аккумуляция материальных и человеческих ресурсов облегчает достижение определенных целей, образование групп, состоящих из людей с близкими интересами, выгодно их членам. Кроме того, изначальная общность интересов помогает им быстрее справиться с проблемой коллективного действия. Так появляются группы интересов, гражданские ассоциации, политические партии и т.д. При этом, как отмечает Норт, если та или иная группа смогла создать организацию и стать влиятельным игроком, то, вероятнее всего, она просуществует достаточно долго²⁶.

Но если институциональный дизайн отражает предпочтения элит и любой элите, соответственно, выгодно защищать status quo, то откуда берутся политические изменения? Если исходить из теории институционального выбора, то они должны объясняться изменениями в составе элит, в свою очередь отражающими сдвиги в изначальном распределении ресурсов и власти в обществе. Эти сдвиги могут быть следствием экзогенного шока, например войны, или эпохальной инновации техно-

логического (паровой двигатель), культурного (христианство) либо нормативного плана.

В книге «Возвышение и упадок наций», которая, на мой взгляд, еще не получила должной оценки в научной среде, Олсон описывает несколько механизмов, позволяющих разрушить старые, застывшие группы, блокирующие экономический рост²⁷. К числу таких механизмов он относит поражение в войне (именно оно сработало в случае Германии и Японии, чьи показатели экономического роста после второй мировой войны были на порядок выше, чем у стран-победительниц), революцию и общую юрисдикцию (например, создание ЕС). Не вдаваясь в подробный анализ этих механизмов, отмечу, что они могут быть классифицированы по двум параметрам: внешний/внутренний и мирный/насильственный (война — внешний насильственный, общая юрисдикция — внешний мирный, революция — внутренний насильственный). Если визуализировать указанные типы, то несложно заметить пропущенную связку (см. *рис. 1*).

Рисунок 1 Механизмы разрушения групп, защищающих status quo

	Мирный	Насильственный
Внутренний	?	Революция
Внешний	Общая юрисдикция	Война

Между тем есть немало стран, которые пережили экономический подъем без какого-либо внешнего воздействия или внутреннего шока. То же самое относится и к институциональным изменениям, благоприятствующим инновациям. Так, согласно Глобальному инновационному индексу, в 2011 г. список лидеров в области инноваций возглавляли Швейцария, Швеция, Сингапур, Гонконг, Финляндия, Дания, США, Канада и Нидерланды²⁸. Почему же авторитарное правительство Сингапура взяло курс на искоренение коррупции, тем самым обеспечив стране головокружительный успех? Почему элита Финляндии провела образовательные реформы, способствующие повышению человеческого капитала в стране и, как следствие, ее инновационного потенциала? Понятно, что такие серьезные изменения не могли не отразиться на балансе политических сил: политический эквilibrium был явно смещен.

²⁸ *Global Innovation Index 2011.*

Так или иначе, не вызывает сомнений, что политические институты, влияя на политические и экономические решения, сами являются продуктом стратегических взаимодействий и решений акторов. В связи с этим возникает вопрос: при каких условиях элиты окажутся готовы смещать систему в направлении нового эквilibriumа, отличающегося от существовавшего ранее?

Проведенный выше теоретический анализ показывает, что институциональное изменение будет иметь место только в том случае, если оно выгодно заинтересованным группам. Другими словами, чтобы эли-

ты согласились взять на себя издержки по проведению нового политического курса, ожидаемые выгоды от реформы должны заметно превосходить те, что сулит им сохранение status quo.

Несмотря на то что власти предрасположены изначально склонны защищать status quo, изменения все же происходят. И это следствие не только механизмов смены влиятельных групп в обществе, о которых шла речь выше, но и здоровой конкуренции — между элитами, лоббистами, общественными организациями, индивидуумами и т.д. Ведь при наличии реальной конкуренции ни одна из групп, оказавшаяся в какой-то момент в привилегированном положении, не может гарантировать себе постоянный выигрыш, а потому ей выгодно ограничить всех участников, в том числе и себя самой. В большинстве развитых демократий этот механизм срабатывает, однако добиться того, чтобы он начал функционировать, — нелегкая задача, особенно в странах, не имеющих опыта демократического развития.

Российские перспективы

²⁹ Ершова 1994.

Если следовать рассмотренным выше институциональным теориям, то картина «демократического транзита» России выглядит примерно так. В начале 1990-х годов постсоветская элита, которая на две трети, если не больше, совпадала с советской номенклатурой²⁹, попыталась защитить свои интересы, выстроив соответствующие политические институты (суперпрезидентская система, смешанная электоральная формула, асимметричная федерация и т.д.). Изменения, внесенные в данные институты позднее (административная реформа, создание партии власти, переход на пропорциональную систему, отказ от выборности губернаторов и т.д.), были призваны лишь облегчить сохранение status quo. И даже если предположить, что их инициаторы руководствовались иными намерениями, никакого другого эффекта они дать не могли.

Вместе с тем, несмотря на явный дефицит демократических практик, в том числе конкуренции элит, экономических успехов (при всем их природоистоющающем характере) у страны не отнять: согласно данным Всемирного банка, начав с 6,68% падения ВВП в 1993 г. и достигнув пика роста — 12,43% — в 2000 г., на протяжении всего последующего десятилетия (за исключением 2008 г.) Россия демонстрировала стабильный прирост ВВП³⁰. В первом квартале 2011 г. (по оценкам Росстата) российская экономика вышла на пятое место среди стран большой восьмерки по основным макроэкономическим показателям (рост ВВП и промышленного производства, уровень безработицы)³¹. Несомненно, что такие успехи не могли не оказать положительного влияния на социально-экономическую, идеологическую и культурную сферы, в целом повысив (хотя и ненамного) уровень жизни в стране. Учитывая циклический характер развития экономики, я считаю, что Россия (и в первую очередь ее политико-экономическая элита) через некоторое время захочет и сможет создать институты, поддерживающие инновационную деятельность, а не подрывающие ее.

³⁰ <http://www.worldbank.org/en/country/russia/overview>.

³¹ <http://expert.ru/2011/05/20/sravnitelnyij-analiz/>.

Очевидно, что это произойдет не так скоро. Прежде всего должна вырасти элита, готовая променять монопольные ренты от самых прибыльных в мире ресурсов на продвижение рискованных инновационных проектов. Если к власти придут акторы, не индоктринированные советским мышлением и получившие образование уже в современной России, им может открыться та простая истина, что в долгосрочном плане (а для новых акторов, возможно, и в краткосрочном) экономика, основанная на ресурсах, вкуче с антиинновационной политикой чревата потерей конкурентоспособности на мировых рынках. Иными словами, появятся акторы, которые осознают необходимость фундаментальных инвестиционных проектов и будут готовы ради них пойти на изменение status quo.

Желательно, чтобы данный сценарий подкреплялся ростом активности гражданского общества, уровень развития которого в России сегодня, к сожалению, крайне низок. И здесь я возлагаю особые надежды на российских ученых как людей, стоящих у истоков инноваций и потому прямо заинтересованных в становлении в стране эффективной инновационной системы. И некоторые симптомы их пробуждения уже есть: 13 октября 2011 г. около 500 представителей московской науки, неудовлетворенных ситуацией в сфере производства знаний, вышли на митинг с требованиями повысить зарплаты, отменить «внеконкурсные» гранты, понизить степень бюрократизации, улучшить условия труда³².

³² http://polit.ru/news/2011/10/13/dayte_uchenym_rabotat/.

Как заметил заведующий лабораторией генетических основ клеточных технологий Института общей генетики РАН Сергей Киселев, «наверное, меньшинство приходит в науку из-за Михайло Ломоносова и еще кого-то. Все-таки большинство приходит потому, что просто интересно что-то сделать. Что-то найти»³³. Данное высказывание как нельзя лучше отражает тот факт, что ученые — это те, кому инновации близки по духу. Они выбирают эту сферу, оставляя в графе «упущенные возможности» профессии юристов, экономистов, банкиров, политиков. Изобретатели — это люди, склонные к риску, что отчасти объясняет их выбор профессиональной деятельности. Это одна из причин, почему финансовые риски в случае неудачи должны брать на себя венчурные компании. Государство же должно способствовать уменьшению таких рисков (развитие демократических институтов, обеспечение верховенства закона, защита прав частной и интеллектуальной собственности, предоставление компаниями, продвигающим научные исследования, налоговых льгот и т.д.). Другая важнейшая задача государства — обеспечить стимулы для изобретателей и всех тех, кто занят научной работой. И здесь принципиальное значение может иметь не только уровень оплаты труда ученых, но и формы финансирования исследовательской деятельности, так как, по мнению некоторых авторов, именно обозначившаяся со второй половины XX в. тенденция к отказу от финансирования ученых напрямую в пользу финансирования через исследовательские университеты или отдельные проекты (что неизбежно приводит к бю-

³³ <http://www.lenta.ru/conf/kiselev/>.

³⁴ Сергеев (ред.)
2009.

рокрализации процесса и смещению фокуса на социальные сети и участие в них как необходимое условие карьерного роста) и стала причиной резкого снижения мировой инновационной активности³⁴.

* * *

Таким образом, проведенное мною исследование показывает, что при сохранении нынешнего институционального дизайна, работающего на поддержание status quo, инновационная система России развиваться не будет. Для того чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, необходимы социально-экономические изменения, которые повлияют на изначальное распределение власти в обществе и в итоге — на предпочтения элит. Данный процесс могут ускорить коллективные действия со стороны гражданского общества, и в первую очередь российских ученых, направленные на защиту авторских прав и повышение статуса науки в обществе.

Библиография

- Гохберг** Л.М. 2003. Национальная инновационная система России в условиях «новой экономики» // *Вопросы экономики*. № 3.
- Ершова** Н. 1994. Трансформация правящей элиты в условиях социального перелома // Заславская Т., Арутюнян Л. (ред.) *Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития*. Ч. 1. — М.
- Исследование** российской научно-технологической диаспоры в развитых странах: условия и возможности возвращения научных кадров и использование потенциала. 2009 (http://inno-expert.ru/consulting/diaspora/diaspora_publ_final.pdf).
- Сергеев** В.М. 2008. Инновации как политическая проблема // *Полития*. № 1.
- Сергеев** В.М. (ред.) 2009. *Пролегомены к антропологии кризиса нашего времени*. — М.
- Acemoglu** D., Johnson S., Robinson J. 2001. The Colonial Origins of Comparative Development: an Empirical Investigation // *American Economic Review*. Vol. 91. № 5.
- Acemoglu** D., Johnson S., Robinson A. 2002. Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117. Nov.
- Akerlof** G.A. 1970. The Market for Lemons. Qualitative Uncertainty and the Market Mechanism // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 84. Aug.
- Arrow** K.J. 1963. *Social Choice and Individual Values*. — N.Y.
- Boix** C. 2003. *Democracy and Redistribution*. — N.Y.
- Freeman** C. 1982. *Technological Infrastructure and International Competitiveness*. Paper prepared for the OECD Ad Hoc-group on Science, Technology and Competitiveness. — P.
- Freeman** C., Lundvall A.-B. (eds.) 1988. *Small Countries Facing the Technological Revolution*. — L.

- Global Innovation Index.** 2011 (http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/analysis/rankings.cfm#CGI.SCRIPT_NAME%23).
- Greif A., Milgrom P., Weingast B.R.** 1994. Coordination, Commitment, and Enforcement: The Case of the Merchant Guild // *Journal of Political Economy*. Vol. 102. № 4.
- Grossman G., Helpman E.** 1991. *Innovation and Growth in the Global Economy*. — Cambridge (MA).
- Lundvall B.-A.** 1985. *Product Innovation and User-Producer Interaction*. — Aalborg.
- Lundvall B.-A.** 2009. *The Danish Model and the Globalizing Learning Economy: Lessons for Developing Countries*. UNU-WIDER Research Paper RP2009/18.
- Machiavelli N.** 1987. *Discourses on Livy*. — N.Y.
- National Innovation System and State Innovation Policy of the Russian Federation.** 2009 (<http://mon.gov.ru/files/materials/6333/09.11.02-bd-eng.pdf>).
- Olson M.** 1965. *The Logic of Collective Action*. — Cambridge (MA).
- Olson M.** 1982. *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities*. — New Haven.
- North D.C.** 1990. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. — N.Y.
- Plott Ch.R.** 1991. Will Economics Become an Experimental Science? // *Southern Economic Journal*. Vol. 57. № 4.
- Polanyi K.** 1944. *The Great Transformation*. — Boston.
- Przeworski A., Tuene H.** 1970. *The Logic of Comparative Inquiry*. — N.Y.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.** 2004. Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development // *Journal of Economic Growth*. Vol. 9. № 2.
- Romer P.** 1990. Endogenous Technological Change // *Journal of Political Economy*. Vol. 98. № 5.
- Sachs J.D., Warner M.** 2001. The Curse of Natural Resources // *European Economic Review*. Vol. 45. № 4—6.
- Solow R.** 1957. Technological Change and the Aggregate Production Function // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 39. № 3.
- Toynbee A. J.** 1934—1961. *A Study of History*. Vol. 1—12. — Oxford.